

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОВОМ У КОМИ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹

М.И. Байдуж*, Н.А. Лискевич**, А.Х. Машарипова**

На основе полевых материалов 2000-х гг. рассматриваются традиционные представления коми юга Западной Сибири о домовом — его облике, функциях, качествах, способностях, практиках выстраивания взаимоотношений с ним при переходе в новый дом, покупке скота и проведении окказиальных ритуалов.

Коми, домовый, домовая змея, ритуал, охрана дома.

Домовой как дух-хозяин домашнего пространства — один из самых популярных мифологических персонажей, сохраняющий актуальность в современных представлениях. Этот образ, с одной стороны, имеет традиционные черты, а с другой — происходит переосмысление многих его характеристик, возникают новые (или воспринимаются такими) функции и описания персонажа, инициированные зачастую средствами массовой информации и расширением коммуникаций. Образы мифологических существ, связанных с жилым пространством, их генезис, трансформация, качества и способности, функции и проявления подробно рассмотрены в фундаментальных трудах, посвященных прежде всего русскому фольклору (напр.: [Виноградова, 2000, с. 271–288; Власова, 1995; Криничная, 2004, с. 26–246; Левкиевская, 2000, с. 276–318; Померанцева, 1975, с. 92–117]), систематизированы указатели мифологических персонажей [Айвазян, 1975], в том числе на сибирском материале [Гордеева; Зиновьев, 1985, с. 62–76], публикуются мифологические рассказы, структурированные по «персонажному» принципу (напр.: [Мифологические рассказы и легенды..., 1996; Мифологические рассказы..., 2009]).

В мировоззрении коми-зырян распространена вера в сверхъестественные существа. Одним из наиболее почитаемых персонажей является домовый — *керка олыся*. *Керка* — 'дом', *олысь* 'жилец || живущий' [Безносикова и др., 2000, с. 268, 457]. Домовой как дух-хозяин дома и, в ряде случаев, всех хозяйственных построек и двора тесно связан с представлениями об иррациональной охране подворья и семьи, потому, возможно, он и остается актуальным персонажем быличек и мифологических представлений коми Западной Сибири: «Но в домовых же верили, и сейчас ведь верят» (Уляшева А.С.). Цель нашего исследования заключается в попытке рассмотреть некоторые особенности образа домового в традиционных верованиях коми на основе полевых данных, собранных в 2000-х гг. среди локальных групп коми, проживающих на юге Тюменской и в Омской области. Для сбора материала использовался в основном метод структурированного интервьюирования, позволяющий впоследствии переходить к неформальным доверительным беседам. При составлении программы исследования мы ориентировались на работы по изучению мифологических персонажей в традиционном мировоззрении коми [Белицер, 1958, с. 320–321; Конаков, 1996, с. 90–111], а также указанные выше труды. На духовную культуру коми (зырян), основной территорией проживания которых является Европейский Север, большое воздействие оказало длительное взаимодействие с русскими, распространение православия [Жеребцов, 1982, с. 117–153].

Современное коми (коми-зырянское) население юга Западной Сибири ведет происхождение от переселенцев из Коми края, прибывавших в Сибирь с первой трети XIX в. Ими были освоены территории, пригодные для земледелия, — современные Заводоуковский, Юргинский, Ярковский, Ялуторовский районы Тюменской области. Коми поселения на территории Нижнего Приоболжья основаны переселенцами из Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии, в меньшей степени — Архангельской и Вятской губерний [Лискевич, Машарипова, 2012; Повод, 2008а, б]. Переселение на территорию современной Омской области (Среднее Прииртышье) относится к 1870-м гг., здесь оседали также в основном выходцы из Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, их потомки проживают в Горьковском, Калачинском,

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Семейные обычаи и обряды в культуре коми юга Западной Сибири».

Оконешниковском, Тарском районах Омской области [Бараксанов и др., 1987; Повод, 2008а, б]. Переселенческие процессы у коми продолжались до середины 1920-х гг., в последующем связи с родиной были прерваны. В ходе адаптации к новым условиям в этнической культуре переселенцев произошли изменения, но ядро комплекса верований, связанных с жилым пространством и семейным благополучием, оказалось более устойчивым.

Домовой у коми осознается как хозяин дома и пользуется особым почитанием, к нему всегда обращаются со словами: «Дедушко, дедушка-батюшка, батюшка-домовой, суседушко-батюшка/суседушко-матушка, дедушка-суседушка, соседушка-ботанушка², соседушка-букамушка/буканушко³, хозяин, хозяин-батюшка/хозяюшка-матушка», хотя некоторые коми помнят об употреблении в бытовой речи названий домового на родном языке — *Керка пытшкам* (Уляшева Ю.Ф.), где *пытшкам* — 'в себе', т.е. «внутри дома/у меня в доме» [Безносикова и др., 2000, с. 551, 552].

Строительство и обживание дома было ритуализированным процессом, требующим строгого регламента действий от выбора места и леса для постройки до перехода в новое жилье (подробнее об этом: [Конаков, 1996, с. 90–100]). Выполнение положенных ритуалов служило залогом благополучной жизни семьи, крепкого хозяйства. Неподходящим для строительства считалось место пожара — «на пепелище не строили», в результате неудачного выбора в доме начинало «казаться» (Уляшева Ю.Ф.). Под углы дома (*в оклад*) клали овечью шерсть (под правый угол), щепотку соли, немного хлеба, деньги (во все углы) — «чтобы в богатстве жить», также подклады в виде денег (3 коп., 5 коп.) и разноцветной шерсти помещали под матицу; для задабривания домового (*суседко*) угощение опускали и в подполье (Кононова А.Г., Кутькин П.Т., Подласова Е.К., Уляшева Ю.Ф.). Особые обереги изготавливали и при возведении печи; так, Ю.Ф. Уляшева рассказывала, что при демонтаже старой русской печи (*пач*), которую в начале XX в. делал ее дед Уляшев Николай Фомич, нашли возле пода, где выпекали хлеб, маленький кирпичик, на котором был выдавлен крест [Ермакова, Повод, 2006, с. 184] (рис. 1). Большую роль играло расположение матицы в доме, ее обязательно клали повдоль, направленной к входу, в противном случае «в доме будет нечисть водиться» (Кутькин П.Т., Нелюбина А.Ф.).

Для перехода в новый дом получали благословение старших родственников: «Свекровка благословила» (Киселева О.Ф.); «Мать при уходе благословила: *Иди, и живи*» (Уляшева Ю.Ф.). В определенные периоды нельзя было заселяться в новый дом, к примеру с 14 октября до 8 ноября, со дня Покрова Пресвятой Богородицы (*Покров-субѳт*) до дня Собора Архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных (*Митрий-субѳт*) (Кононова А.Г.).

Переход обычно осуществлялся в несколько этапов. В новый дом зазывали домового, у коми были распространены различные ритуалы его приглашения [Конаков, 1996, с. 100]. Говорили: «Суседушко-батюшко, суседушко-букамушка, пошли с нами» (Шешукова М.М.); «Соседушко-ботанушко, переезжай с нами» (Уляшева П.Н.). «Когда переезжают на новое место жительства, то хозяйка уходит из дома последняя, кидает старую обувь со словами: “Мы поехали, а ты на этом догоняй” (Юдина Р.Е.). При этом в новом доме заранее оставляли угощение: «Вот, например, когда в новый дом переселяются, да, верят, что там живет домовая, Хозяином его называют, домового. И вот прежде, чем зайти, там, значит, в уголочек, у вас, наверное, тоже, и где-то у других народов тоже это есть, да? Что, там, в уголок кладут там, хлеб, например, там, или молока наливают. Это домовому, например. Вот, что задобрить Хозяина, вот они и это самое, вот это вот и делают. Они говорят, что есть он вот. Хозяином его называют» (Уляшева А.С.).

До переноса домашнего скарба в новый дом нужно было принести и оставить на ночь хлеб (или квашню), икону, корыто (*вор*), в котором стирали, и запустить кошку (*кань*) — «на счастье» (Моторина Р.Д., Королева В.И., Юдина Р.Е.). У М.М. Шешуковой перед новосельем их семья мать заранее утащила в новый дом и оставила на всю ночь *корыто, кошку и квашёнку*. В современной интерпретации корыто может заменяться стиральной машиной: «Внучка переезжала — кошку и стиральную машину заносила» (Кононова А.Г.). Ю.Ф. Уляшева рассказывала, что при уходе из родительского дома в другой взяла в одну руку икону, в другую — булку хлеба.

² Батамушко, Ботамушка, Ботамушко-Боданушко, Ботамушко-Дедушко, Ботамушко-Соседушко, Ботанушка, Ботанушко — домового [Словарь говоров..., 2001, с. 72–73]; домового, «коновой хозяйин»; дворовой, «приглядывающий» за скотиной, сходен в своих характеристиках с домовым, а более — с дворовым, который обитает в крестьянском дворе и связан со скотом (в первую очередь — с лошадьми) [Власова, 1995, с. 52].

³ Буканушко — сказочное страшилище, которым пугают детей, фантастическое существо в доме; домового; нечистая сила; пугало для детей [Власова, 1995, с. 64]. Буканушко — то же, что Батамушко [Словарь говоров..., 2001, с. 206].

Заходя в новый дом, всегда говорили: «Хозяин-батюшка, да хозяйюшка-матушка, прими меня и люби меня» (Уляшева Ю.Ф.).

В современной интерпретации значимость хлеба и корыта при новоселье объяснялась тем, что они связаны с пищей и одеждой/тканью: «чтобы вещи были и хлеб» (Подкопаева Н.Ф.). По мнению Е.Е. Левкиевской, хлеб, как главная пища человека, обладает апотропеическими свойствами, это один из сильнейших и универсальных оберегов, охранительные свойства имели также мука и тесто [2002, с. 166–168].

Кошка являлась существом, связанным с домовым, и если у них «совпадала масть» — в доме было благополучие [Голубкова, 2009, с. 192–193]. П.С. Ефименко отмечал, что среди русских Архангельской губернии кошку запускали при новоселье для домового со словами: «Вот тебе, хозяин, мохнатый зверь на богатый двор» [1878, с. 157]. Особое отношение к кошке актуально и в настоящее время: «В каждом доме должна быть кошка. Есть поверье, что кошка охраняет дом и дружит с домовым» (Распутина Е.Д.). Кошку нельзя убивать, кошка подходящего цвета приносит счастье, самыми подходящими для дома считаются трехшерстные кошки, т.е. имеющие больше возможностей «угодить» домовому (Кононова А.Г.).

Ритуал задабривания домового проводился и при переходе в новую семью после замужества. «Когда замуж выходила, меня мама учила: когда в дом мужа придешь, переступая через порог три раза тихонько скажи: *Прими да люби, пои да корми, дедушка-суседушка*. В подпол нужно было хлебушка корку отнести» (Уляшева Ю.Ф.).

Следующим этапом перевозили вещи (*шмотки*), потом перегоняли скот (Шешукова М.М.). При переводе скотины также были ритуалы, их знали и обычно проводили представители старшего поколения (Киселева О.Ф.). Обеспечение сохранности и прироста скота закладывалось еще при возведении хозяйственных построек. Когда делали сруб стайки, то в передний угол («правый, где солнце всходит») клали шерсть и хлеб, пили водку, «чтобы домовая скотину любил, чтобы овечек было полным-полно» (Кононова А.Г., Уляшева Ю.Ф.).

Перед тем как завести корову, отрезали кусочек хлеба и клали в уголок под крышу «где есть дырочка посредине», при этом говорили: «Суседушко-матушко, я тебе гостинца привезу. Как хлеб будешь уважать, так и моих скотин, так и меня» (Уляшева Ю.Ф.). Хлеб для домового могли класть в старое непригодное ведро с пожеланием: «Батюшка-домовой, люби мою скотину». Рассказывали про случай, когда «семья переехала, а ведра для хлеба оставили на старом месте и на новом месте ведер в стае не повесили, в тот же год весь скот пал, кто заболел, кто потерялся. Ведра для хлеба надо повесить в каждой стае, в каждом строении, где находятся животные» (Кононова А.Г.). Скот «представляли» домовому: «...Хозяйюшка-батюшка, Хозяйюшка-матушка, прими эту скотинушку, люби эту скотинушку» (Уляшева Ю.Ф.). Такой ритуал проводился и при покупке нового скота (Подласова Е.К.). Чтобы скотина не терялась и приходила на новое место, нужно было заставить животных перешагнуть через веревку, на которой их привели, а также покормить из котла, в котором готовили пищу семье (Игнатов Н.Г.).

Домовой представлялся неотъемлемой частью дома и шире — всего усадебного комплекса: «Домовой повсюду, весь двор охраняет» (Кононова А.Г.); «Домовой один во всем доме» (Уляшева Ю.Ф.); «Он один охраняет и скотину и дом» (Игнатов Н.Г.). Также информанты упоминают, что домовых может быть и два: «...видела двух домовых — большого и маленького», «...двое домовиков было, один маленький. В доме Кутькина Михаила — там, кажется, два ходит в разное время» (Подласова Е.К.). Локализация и функции домовых в этом случае могли различаться. Основным местом обитания домового считается часть дома за печкой либо в подполье (*гольце*) (рис. 2): «Живет он, может быть, в подполье» (Уляшева Ю.Ф.); «Я не знаю как там это, маленько рассказывали, что вот у нас же раньше печка была, а за печкой было такой лаз, чтобы в подпол лазить, и...это...и...ну сильно я не хорошо не помню. Все как будто теленочек или кто, так — топ-топ-топ, и туда... в ту дверь... за картошкой лазили, туда и как будто, туда он спрятался» (Шаповалова Н.М.); «Двое приходят — маленький и большой — через окошко в подполье» (Подласова Е.К.). У ижемской группы коми, проживающей в более северных районах, местом обитания домового мог быть и чердак: «на вышке, под крышей она живет» (Конева Т.В.), «как ночь, начинает по крыше бегать» [Титов, 2009, с. 191].

Иногда выделялся домовый, проживающий за пределами дома, в хозяйственных постройках: в стайке или на конюшне (рис. 3). «Домовой живет в доме. Но есть домовый, который в стайке живет. Стаичный. Дед иной раз говорил, что у лошадей все сплетется, что не распутать, только состричь. Он как-то видел, что на лошади сидит стаичный старичок и плетет лошади гриву»

Традиционные представления о домовом у коми юга Западной Сибири

(Подласова Е.К). «В стайке живет суседушко» (Уляшева Ю.Ф.). В соответствии с этим подарки и угощения для домового оставляли в укромных местах как в доме, так и в постройках для скота. Доминирование образа домового у современных коми в отдельных случаях проявляется в объединении его с *банницей*, которая обычно воспринималась отдельным персонажем: «В бане, когда 2 человека вымоется уже, то после себя (третья уже получается) нужно воды в тазу и мыло оставить и сказать: “Мойся, Банщик-Домовой” (Пасеко А.Ф.).

Рис. 1. Кирпич-оберег, найденный в русской печи возле пода, с. Староалександровка Яркового района Тюменской области, 2003 г.

Рис. 2. Голбец возле русской печи, д. Бельховка Юргинского района Тюменской области, 2007 г.

В большинстве рассказов домовый имеет человеческий облик, представлен в образе старичка, маленького роста, с белой (седой) бородой, одетого в рубаху и лапти: «Домовой небольшого роста, седой старичок с бородой» (Подласова Е.К.); «Мать видела возле своей постели однажды маленького старичка с длинной бородой, и одет он был в белую рубаху и белые штаны» (Распутина Е.Д.); «Домового видела в поле, когда телят посла, телята улеглись, и я прилегла, вдруг слышу, как ко мне кто-то подходит, остановился около меня, смотрю, передо мной маленький мужичок в лаптях, портах и перевязанный полотенцем» (Ефремова П.Н). Черный цвет домового считался плохим предзнаменованием — «это не к добру, к беде» (Подласова Е.К.).

У коми сохранились представления о связи домового и змеи/ужа: «Однажды еще в том доме видела змею, у нее на шее красный галстук. Спустя 15 лет увидела такую же змею около дома, только уже толстую, и говорю ей: *Ты меня искал, скотину мою караулил, благославляю тебя, иди*. Если галстук на шее — эта змея считается домовая. Он меня искал 15 лет, в этом доме первый раз его видела» (Уляшева Ю.Ф.). Ужей нельзя было убивать, в противном случае могло произойти несчастье: «Знаю случай, когда мужчина, убивший ужа, повредил себе руку. Прочих змей можно убивать» (Кононова А.). «Говорили, что нельзя на подворье змею убивать, что-нибудь будет плохо» (Подкопаева Н.Ф.). Представления о дворовой змее, ее табуировании и почитании широко распространены у славян, в том числе русских европейского Севера (напр.: [Власова, 1995, с. 122, 127, 153; Гура, 1997, с. 307–319; Криничная, 2004, с. 120–123; Левкиевская, 2000, с. 297–300]). По данным А.В. Гуры, змея — это дворовой или домовый дух и ее нельзя убивать [1997, с. 307]; образ змеи как домашнего покровителя тесно связан с образом предка; у змеи, особенно у ужа, обнаруживаются черты мифического покровителя скота, что опять-таки объединяет ее с образом домового [Там же, с. 316].

В представлениях коми домовый может быть как добрым, так и злым. «Если соседке не нравится скотина, то она мокрая, худая. Если домовый косу сплел, то ее уже не распутать, только срезают» (Шешукова М.М.). Ю.Ф. Уляшева жаловалась, что в родительском доме овечки не живут, и при родителях не жили — «рождается мало, и приплод не держится». Это объяснялось тем, что для дома выбрано «нехорошее» место, «домовой скотину не любит». Бывает, что скотину по-разному любит — черную любит, белую нет (Подласова Е.К.). Если домовый добрый, то он ухаживает за скотиной. «Раньше, чтобы домовый был добрым и не сердился, для него стряпали, и стряпню относили в стайку, при этом говорили: *Дедушко, ешь*» (Уляшева З.П.).

Если покупали скотину, то обязательно представляли ее домовому: «Когда приводишь скотину в новую стайку, или только купленный скот, то нужно кусочек хлеба отрезать и положить его в уголок под крышу со словами: *Суседушка — батюшка, я тебе гостинца принесла, как хлеб будешь принимать, так и моих, и скотину и меня принимай*» (Уляшева Ю.Ф.). «Если скотину купят, то говорят: *Суседушка-букамушка, вот тебе хлебушка, люби мою скотинушку. И несли в хлев, клали в ясли или толкали в стайке в угол гостинцы*» (Шешукова М.М).

Помимо угощения домового хлебом («стряпнёй»), в помещении для животных всегда должны находиться ветки вербы с вербного воскресенья (Подкопаева Н.Ф.). В определенные дни проводились особые ритуалы для обеспечения плодовитости скота. Так, на Новый год «надо положить около переднего угла, где икона стоит, на стол 0,5 водки, хлеба, булки, соли в банке; утром поесть самому и скотине дать» (Уляшева Ю.Ф.). «Перед Пасхой на четверг (раньше говорили — Страшный четверг) в среду клали хлеб с солью вечером, а утром угощали скотину, овец. Хлеб в среду оставляли на столе пред божницей. Если скотина заболевает — этим лечили. Соль в воду размешивали, хлеба — 0,5 булки. Хлеб весь не отдавали, оставляли на лечение» (Подласова Е.К.). «Хлеб к иконе клали в среду страстной недели, а в страстной четверг кормили этим хлебом животных, для их сохранности, немного хлеба оставляли, чтобы покормить животных перед тем, как первый раз после зимовки выгнать их на пастбище. Соль клали к иконе только в страстной четверг» (Кононова А.Г.). Сама А.Г. Кононова укладывала к иконе две булки хлеба из старой муки для скотины, несколько кусков белого хлеба для себя и около 1 кг соли. Затем зажигала свечи и читала три раза молитву, которую сложила сама. В день св. Власия (11 февраля), который считается покровителем домашних животных [Власова, 1995, с. 28], также нужно было отнести в стайку хлеб и соль (Подласова Е.К.).

Рис. 3. Стайка — постройка для скота, с. Ивановка Ялуторовского района Тюменской области, 2005 г.

Рис. 4. Выпечка хлеба, д. Бол. Тихвино Ялуторовского района Тюменской области, 2006 г.

В случае покупки или продажи скота надо было взять с собой немного навоза из стайки и с ним идти на торг (Подласова Е.К.). Обычай у русских, когда навоз или землю берут со двора прежнего владельца, А.Ф. Журавлев объясняет желанием сохранить плодовитость скота, предотвратить его «тоску» [1994, с. 71]. В данном случае, когда навоз берут в своем хозяйстве, вероятно, проявляется попытка обеспечить успех сделки иррациональной помощью дома/домового.

Основная функция домового — охрана дома. Перед уходом из дома к нему обращаются с просьбой: «Господи, благослови, Хозяюшко-батюшка, храни мой дом» (Уляшева Ю.Ф.). Если уезжают на некоторое время, то, присаживаясь на дорожку, произносят: «Господи, благослови, хозяйин-батюшка, храни мой дом» (Уляшева Ю.Ф.). «Куда уезжаю — домовому наказ даю, а возвращаюсь, говорю: *Здравствуй, изба, дом родной!*» (Пасеко А.Ф.).

В случае длительного отъезда существовала традиция «забирать» с собой домового, но сейчас такое не практикуется. «Нет сейчас такого. Да... я вот лично забываю, там много слов-то и не надо говорить. Говорят, что надо бы, надо бы забирать, а потом возвращаться, из дома... но, у меня не получается, потому что я всегда волнуюсь. Не хочется из дома уезжать, а приходится. Ой, со слезами уезжаю каждый год» (Подкопаева Н.Ф.).

Традиционные представления о домовом у коми юга Западной Сибири

Домовой «показывался» редко, чаще проявлял себя различными звуками — топотом, скрипом дверей и пр.: «...как будто теленочек или кто, так — топ-топ-топ» (Уляшева А.С.); «...как мышка пробежит ночью... говоришь: “Что опять уже бегаешь?”» (Игнатов Н.Г.); «...кажется, что кто-то дома ходит и хлопает дверьми, дверь дергает, но никого не видно. Надо перекреститься и идти дальше» (Уляшева Ю.Ф.); «...одной женщине слышались в доме голоса на зырянском, татарском и русском языках. <...> Один раз через огород к Ф-м прибежала — домовый напугал» (Кононова А.Г.).

Домовой разбрасывал вещи, «...тетка у меня говорит, что у нее там домовая живет, что-то у нее там передвигает, не передвигает... я не знаю... какие-то там вещи раскидывает» (Распутин Ф.Д.). «У одних людей домовая муку сеял по дому» (Распутина Е.Д.). «Ну, в домового верю! Видеть вживую не видел, но результаты его проказничеств наблюдал. У нас периодически пропадают столовые приборы! То ложек нет, то вилки исчезнут. Доходило до того, что в доме оставалось всего 2–3 ложки или вилки, всей семьей искали, но найти не могли, а потом они сами по себе оказывались на своем законном месте» (Истомин Г.Г.).

В доме, возведенном на «плохом» месте, отмечались более зримые «полтергейстные» проявления. В с. Имшегал в детском саду, построенном, по местной легенде, на месте изготовления гробов для «черкесов» (спецпоселенцев), постоянно происходили «нехорошие вещи»: «Вот там ночью, говорит, там ночью и кто-то ходит, и дверь закрывается-открывается, там жутко ночью. Особенно когда перед покойником в деревне. <...> Там все время какое-то движение! То чашки кто-то переставляет вот это вот. На этом месте» (Уляшева А.С., Шаповалова Н.М.).

По рассказам, домовый мог входить в прямой контакт с обитателями дома: «Если домовому не оставить покушать, то он ночью *давить* будет, т.е. не сможешь долго проснуться, телом тяжело шевелить» (Распутина Е.Д.). Считалось, что в этом случае он мог предсказать будущее: «Была примета: если домовый трогал ночью, то надо было спросить, “к добру или худу”, и он отвечал» (Уляшева З.П.); «Домовой давил мою сестру, она его спросила, к добру или к худу. Если ответит *бrrr* — к добру, если *дуу* — к худу (Смирнова В.Н.); «...взял меня мягкими руками за нос, я спросила: *к добру или к худу*, он ответил: *к худу*» (Уляшева П.Н.).

«Говорят, что если домовый не залюбил хозяина или хозяйку, то домового надо угощать, класть хлеб свежий в подпол или угол какой» (Подкопаева Н.Ф.). «Если в доме не ладно, посуда бьется, мебель ходит, то это домовый сердится, тогда его нужно задобрить» (Игнатов Н.Г.). «Если в доме не ладно, то в подполье нужно хлеб отнести, чтоб соседку покормить» (Шешукова М.М.). «Старые люди говорили, что домового надо угощать, класть хлеб и соль к иконе. Когда клали хлеб, перед иконой говорили: «Дедушка-батюшка, дом спасай и меня спасай» (Кононова А.Г.). «Любовь» домового могла проявляться в скатывании волос, появлении *колтунов*. Колтуны от домового нельзя срезать, говорят, что заболеешь» (Уляшева Ю.Ф.). Домовой мог помочь при бессоннице: «При бессоннице нужно домового просить сон» (Распутина Е.Д.). Обращение к домовому с просьбой дать сон ребенку отмечено в заговорных текстах русских Усть-Цильмы: *дедко-соседко, спасти уложи, дедко-соседко, глазки закрой...* [Дети и детство..., 2008, с. 73].

Обращение к домовому, его патронажная и апотропеические функции отражают связь с предками. Это проявляется и в обычае приглашать домового и одновременно всех мертвых родственников покушать при выпечке свежего хлеба (Никулина А.Ф.) (рис. 4). Особое почитание домового проявилось в контаминации образов в рассказе Ю.Ф. Уляшевой: «В этом доме (родительском) 2–3 года кто-то ходит, дверь дергает. Домовой... Говорят, что это Бог открывает. Молитву прочитаешь — все пройдет. Дедушка молился, отец все знал. А я: Господи, благослови. Все равно не боюсь. Это не кто-нибудь, а Бог».

Таким образом, современные представления о домовом у коми юга Западной Сибири сохраняют основной пласт традиционных верований, в том числе достаточно архаичные элементы. Домовой предстает существом, отражающим одухотворение дома, его основные функции — покровительство, охрана, предсказания, при этом превалирует патронажная функция. Основное время его проявления — ночь, хотя предполагается круглосуточная забота о доме и в отсутствии хозяев. Наличие домового — обязательное условие подготовки дома к новоселью. Обряды перевода «соседушки» проводятся и настоящее время, хотя традиционные атрибуты ритуала зачастую заменяются современными аналогами. Большинство меморатов включает сюжеты о необходимости задабривания домового при выстраивании отношений с ним, главными «гостинцами» служат хлеб, соль, шерсть, деньги и, вероятно, как более позднее веяние, водка (спиртное). У коми, главным занятием которых было сельское хозяйство, благополучие семьи зависело

от наличия скота. Поэтому в этикетке взаимоотношений с домовым ритуалы для обеспечения его любви «к скотинушке» были более сложными и строже выполнялись. В современной жизни падает роль животноводства, домашний скот есть далеко не у всех. Это ведет к изменению усадебного комплекса и, как следствие, к угасанию представлений о «стаичном». Главный акцент рассказов переносится на действия домового в доме, которые проявляются как «шалости».

В целом на исследуемой территории выделяются локальные различия в образе и характеристиках домового, а также в его имени. Эти локальные варианты сложились в силу различных способов взаимодействия коми с иноэтничным населением, с одной стороны. С другой стороны, на эти процессы разделения образа персонажа на диалектные формы оказывает влияние связь коми с городской инфраструктурой и масштабы, а также виды вовлеченности коми в медийную, современную культуру.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Айвазян С. (при участии О. Якимовой). Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Э.В. Померанцева. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. С. 162–182.

Бараксанов Г.Г., Конаков Н.Д., Рочев Ю.Г. Омские коми: Докл. на заседании Президиума Коми филиала АН СССР 18 июня 1987 г. Сыктывкар, 1987. 24 с

Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукор // Коми-русский словарь / Под ред. Л.М. Безносиковой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.

Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX — начало XX в. // ТИЭ. Нов. сер. Т. 45. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 395 с.

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.

Голубкова О.В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 304 с.

Гордеева Н.А. Указатель сюжетов быличек и бывальщин Омской области (1978/1984 гг.) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/gordeeva1.htm>.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с. (Традиционная духовная культура славян: Современные исследования).

Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: Исследования и материалы / Сост. Т.И. Дронова, Т.С. Канева. Сыктывкар: Изд-во Сыкт. ун-та, 2008. 200 с.

Ермакова Е.Е., Повод Н.А. Традиции в народной гигиене и медицине коми юга Тюменской области // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2006. № 7. С. 183–194.

Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1: Народная словесность // Тр. этнографического отдела император. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Кн. 5. М., 1878. 276 с.

Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982. 224 с.

Журавлев А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян: Этнографические и этнолингвистические очерки. М.: Индрик, 1994. 256 с.

Зиновьев В.П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 62–76.

Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир, пространство и время. Сыктывкар, 1996. 132 с.

Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Акад. Проект: Гаудеамус, 2004. 1008 с.

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М.: Астрель: АСТ, 2000, 528 с.

Левкиевская Е.Е. Славянский оберег: Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с.

Лискевич Н.А. Машарипова А.Х. Формирование и расселение групп коми на территории Ялуторовского уезда Тобольской губернии в XIX — начале XX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. 2012. № 2 (17). С. 113–119.

Мифологические рассказы Архангельской области / Сост. Н.В. Дранникова, И.А. Разумова. М.: ОГИ, 2009. 304 с.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комментариев О.А. Черепанова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 212 с.

Повод Н.А. К вопросу о влиянии структуры расселения на этнические процессы мигрантов (на примере коми Западной Сибири) // Акад. вестн. № 1. Тюмень: Тюм. гос. ин-т мировой экономики, управления и права, 2008а. С. 127–132.

Повод Н.А. Особенности освоения территории Нижнего Притоболья коми переселенцами в XIX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008б. № 9. С. 141–148.

Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 194 с.

Традиционные представления о домовом у коми юга Западной Сибири

Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Т. I. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. 252 с.

Титов А.С. Представления о сверхъестественном в традиционной культуре коми Северного Зауралья: (По итогам экспедиции в Шурышкарский р-н ЯНАО в 2009 г.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 11. С. 191–192.

Список информантов:

Ефремова П.Н., 1935 г.р., коми, м.р. и м.ж. д. Ивановское Тарского р-на Омской обл.
Игнатова Н.Г., коми, 1941 г.р., с. Имшегал Тарского р-на Омской обл.
Истомин Г.Г., коми (по отцу), 1983 г.р., м.р. и м.ж. г. Тюмень.
Каткова Л.Е., коми, 1936 г.р., м.р. и м.ж. д. Спасская Калачинского р-на Омской обл.
Киселева О.Ф., 1927 г.р., м.р. и м.ж. с. Кибер-Спасское Калачинского р-на Омской обл.
Конева Т.В., коми, 1925 г.р., м.р. и м.ж. с. Мужы Шурышкарского р-на ЯНАО.
Кононова А.Г., коми, 1921 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской области
Королева В.И., 1928, русская, м.р. с. Балаганы Аромашевского р-на, м.ж. с. Малое Трошино Юргинского р-на Тюменской обл.
Кутькин П.Т., коми, 1928 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Моторина Р.Д., коми, 1933, м.р. и м.ж. д. Большое Тихвино Юргинского р-на Тюменской обл.
Нелюбина А.Ф., 1926 г.р., м.р. и м.ж. с. Ивановка Ялуторовского р-на Тюменской обл.
Никулина А.Ф. 1916 г.р., коми, м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Пасеко А.Ф., коми, м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Подкопаева Н.Ф., 1931 г.р., коми, с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Подласова Е.К., коми, 1924 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Распутин Ф.Д., коми, м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Распутин Е.Д., коми, 1932 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Смирнова В.Н., коми, 1936 г.р., м.р. и м.ж. с. Кибер-Спасское Калачинского р-на Омской обл.
Уляшева А.С., коми, с. Имшегал Тарского р-на Омской обл.
Уляшева З.П., коми, 1928 г.р., м.р. и м.ж. с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Уляшева Ю.Ф., коми, 1926 г.р., с. Староалександровка Ярковского р-на Тюменской обл.
Шаповалова Н.М., коми, с. Имшегал Тарского р-на Омской обл.
Шешукова М.М., коми, 1935 г.р., м.р. и м.ж. д. Бол. Тихвино Ялуторовского р-на Тюменской обл.
Юдина Р.Е., коми, 1940 г.р., м.р. и м.ж. с. Имшегал Тарский р-на Омской обл.

*Тюменский областной краеведческий музей
ostasheva_m@mail.ru

**Тюмень, ИПОС СО РАН
povod_n@mail.ru, esenewka@mail.ru

Basing on field materials of 2000s, the authors consider traditional notions on a domovoi with Komi from the south of West Siberia — his look, functions, qualities, practices of building relationships with a domovoi when moving into a new house, buying cattle, and conducting occasional rites.

Komi, domovoi, house-snake, rite, house protection.